

The State Academic Bolshoi Theatre of Russia

СУМБУР ВМЕСТО МУЗЫКИ

Об опере «Леди Макбет Мценского уезда»

MUDDLE INSTEAD OF MUSIC

On the opera
Lady Macbeth
of Mtsensk

Handwritten musical notation on a page from a score. The page is filled with staves for various instruments and voices, including Fl. gr., Ob., Cor. ing., Cl. picc., Cl., Fas., C. fas., Tr. be, Cor., Tr. ni, Tuba, Timp., Bapch., ambunimo, amburo, iatti, casso, vl., ve., prei, onoi, Sotrudny, Zoni, P. m I, P. m II, V. le, and Zelli. The notation includes notes, rests, and dynamic markings like 'a2 f' and 'f'. There are also some handwritten annotations in Cyrillic, such as 'Сит.', 'С. р. с.', 'С. р. с.', and 'С. р. с.'.

Вместе с общим культурным ростом в нашей стране выросла и потребность в хорошей музыке. Никогда и нигде композиторы не имели перед собой такой благодарной аудитории. Народные массы ждут хороших песен, но также и хороших инструментальных произведений, хороших опер.

Некоторые театры как новинку, как достижение преподносят новой, выросшей культурно советской публике оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Услужливая музыкальная критика превозносит до небес оперу, создает ей громкую славу. Молодой композитор вместо деловой и серьезной критики, которая могла бы помочь ему в дальнейшей работе, выслушивает только восторженные комплименты.

Слушателя с первой же минуты ошарашивает в опере нарочито нестройный, сумбурный поток звуков. Обрывки мелодии, зачатки музыкальной фразы тонут, вырываются, снова исчезают в грохоте, скрежете и визге. Следить за этой «музыкой» трудно, запомнить ее невозможно.

Так в течение почти всей оперы. На сцене пение заменено криком. Если композитору случается попасть на дорожку простой и понятной мелодии, то он немедленно, словно испугавшись такой беды, бросается в дебри музыкального сумбура, местами превращающегося в какофонию. Выразительность, которой требует слушатель, заменена бешеным ритмом. Музыкальный шум должен выразить страсть.

Это все не от бездарности композитора, не от его неумения в музыке выразить простые и сильные чувства. Это музыка, умышленно сделанная «шиворот-навыворот», — так, чтобы ничего не напоминало классическую оперную музыку, ничего не было общего с симфоническими звучаниями, с простой, общедоступной музыкальной речью. Это музыка, которая построена по тому же принципу отрицания оперы, по которому левацкое искусство вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное звучание слова. Это — перенесение в оперу, в музыку наиболее отрицательных черт «мейерхольдовщины» в умноженном виде. Это левацкий сумбур вместо естественной, человеческой музыки. Способность хорошей музыки захватывать массы приносится в жертву мелкобуржуазным формалистическим потугам, претензиям создать оригинальность приемами дешевого оригинальничаний. Это игра в заумные вещи, которая может кончиться очень плохо.

Опасность такого направления в советской музыке ясна. Левацкое уродство в опере растет из того же источника, что и левацкое уродство в живописи, в поэзии, в педагогике, в науке. Мелкобуржуазное «новаторство» ведет к отрыву от подлинного искусства, от подлинной науки, от подлинной литературы.

Автору «Леди Макбет Мценского уезда» пришлось заимствовать у джаза его нервную, судорожную, припадочную музыку, чтобы придать «страсть» своим героям.

В то время, как наша критика — в том числе и музыкальная — клянется именем социалистического реализма, сцена преподносит нам в тво-

Along with a general growth in its culture, the demand for good music has also grown in our country. At no time or place have composers ever had such an appreciative audience. The masses expect good popular songs, but they also expect good instrumental music and good operas.

Certain theatres are now parading Shostakovich's new opera *Lady Macbeth of Mtsensk* before the new, culturally mature Soviet audience as though it were a genuinely new, a real achievement. Obsequious musical critics are praising the opera to the skies, according it great fame. Rather than focused, serious criticism which might help him in his further work, its young composer hears only rapturous compliments.

Right from the very first minute the listener is assaulted by a deliberately discordant and muddled stream of sounds. Snatches of a melody and rudiments of musical phrases sink, then rise to the surface, before disappearing again amid rumbles, grinding noises and squeals. Following this kind of 'music' is difficult; finding anything memorable in it quite impossible. And so it continues throughout most of the opera. On the stage singing has been replaced with shouting. Whenever the composer chances upon a plain and intelligible melody then immediately, as if afraid of misfortune, he leaps headlong into chaotic musical debris that at times spills over into cacophony. The expressiveness which any normal listener requires is replaced by wild rhythm. Mere noise is supposed to express passion.

This is not because the composer is untalented or unable to express simple, powerful feeling in his music. This music was deliberately written in a topsy-turvy fashion, so that there would be nothing in it to remind one of classical opera, so that nothing in it should sound like symphonic music with a simple, accessible musical language. This is music built on the concept of negating opera, just as leftist theatrical art entirely negates plainness, realism, intelligibility of images, and the natural sound of words. It carries over into opera and music the most negative traits of Meyerholdism, only magnified. This is leftist chaos instead of natural, human music. The ability of good music to enthrall the masses is sacrificed to attempts at petty bourgeois formalism, to pretensions at creating originality through cheap novelties passed off as something clever. This play at being deliberately abstruse can only end very badly.

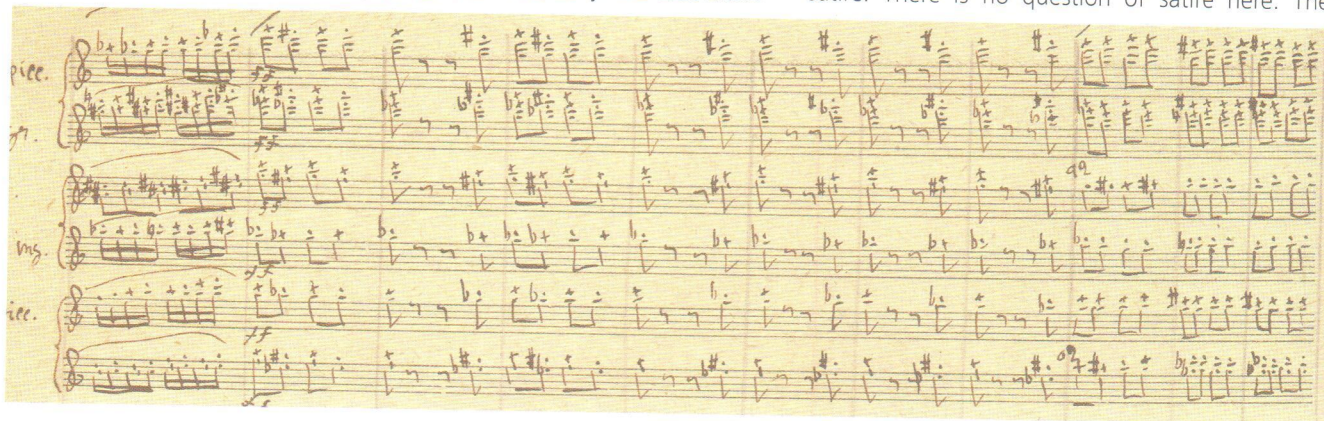
The dangers of this tendency for Soviet music are clear. The leftist disfigurement of opera stems from the same source as the leftist disfigurement of painting, poetry, teaching and science. Petty bourgeois innovation leads to alienation from genuine art, genuine science, and genuine literature.

The creator of *Lady Macbeth of Mtsensk* has to borrow nervous, convulsive and epileptic music from jazz in order to give his characters 'passion.' At a time when our critics, music critics included, swear by Socialist Realism, the stage is presenting us with the most brutal naturalism in this work by Shostakovich. Everyone, be it merchants or ordinary people, is represented in a uniformly bestial guise. A vampish merchant's wife, who through

рени Шостаковича грубейший натурализм. Однотонно, в зверином обличи представлены все — и купцы и народ. Хищница-купчиха, дорвавшаяся путем убийств к богатству и власти, представлена в виде какой-то «жертвы» буржуазного общества. Бытовой повести Лескова назван смысл, какого в ней нет.

И все это грубо, примитивно, вульгарно. Музыка крикает, ухает, пыхтит, задыхается, чтобы как можно натуральнее изобразить любовные сцены. И «любовь» размазана во всей опере в самой вульгарной форме. Купеческая двуспальная кровать занимает центральное место в оформлении. На ней разрешаются все «проблемы». В таком же грубо-натуралистическом стиле показана смерть от отравления, сечение почти на самой сцене.

Композитор, видимо, не поставил перед собой задачи прислушаться к тому, чего ждет, чего ищет в музыке советская аудитория. Он словно нарочно зашифровал свою музыку, перепутал все звучания в ней так, чтобы дошла его музыка только до потерявших здоровый вкус эстетов-формалистов. Он прошел мимо требований советской культуры изгнать грубость и дикость из всех углов советского

быта. Это воспевание купеческой похотливости некоторые критики называют сатирой. Ни о какой сатире здесь и речи не может быть. Всеми средствами и музыкальной и драматической выразительности автор старается привлечь симпатии публики к грубым и вульгарным стремлениям и поступкам купчихи Катерины Измайловой.

«Леди Макбет» имеет успех у буржуазной публики за границей. Не потому ли похваливает ее буржуазная публика, что опера эта сумбурна и абсолютно аполитична? Не потому ли, что она щекочет извращенные вкусы буржуазной аудитории своей дергающейся, крикливой, неврастенической музыкой?

Наши театры приложили немало труда, чтобы тщательно поставить оперу Шостаковича. Актеры обнаружили значительный талант в преодолении шума, крика и скрежета оркестра. Драматической игрой они старались возместить мелодийное убожество оперы. К сожалению, от этого еще ярче выступили ее грубо-натуралистические черты. Талантливая игра заслуживает признательности, затраченные усилия — сожаления.

(«Правда», 28 января 1936)

murder has clawed her way to wealth and power, is represented as some sort of 'victim' of bourgeois society. A meaning is imposed on Leskov's tale of everyday life which is completely absent in the original.

And it is all brutal, primitive and vulgar. The music rasps, hoots, pants, and gasps in order to make the love scenes as naturalistic as possible. 'Love' in its most vulgar form is spread liberally throughout the entire opera. The centerpiece of the set is a double bed from a merchant household. On it all the 'problems' are solved. Death from poisoning is depicted in the same coarsely naturalistic style; the flogging takes place almost onstage.

Evidently the composer did not set himself the task of heeding what the Soviet audience expects and looks for in music. It is as though he deliberately encrypted his music and mixed up all the sounds in it so that it should get through only to formalist aesthetes who have long lost any healthy sense of taste. He ignored demands from Soviet culture to banish all that is rude and uncivilised from every corner of the Soviet way of life. Some critics call this hymn to libidinous merchants a satire. There is no question of satire here. The

author uses all the means of musical and dramatic expression to win the audience's sympathy for the rude and vulgar yearnings and behaviour of the merchant's wife Katerina Izmailova.

Lady Macbeth enjoys popularity with the bourgeois public abroad. Is it not precisely because it is chaotic and utterly apolitical that the bourgeois public praises it? Because it teases the depraved tastes of the bourgeois audience with its jolting, strident, neurasthenic music? Our theatres took considerable pains over their careful staging of Shostakovich's opera. The actors displayed considerable talent in overcoming the noise, shrieks and grinding of the orchestra. They tried to make up for the opera's musical poverty with their acting. Unfortunately this made its coarsely naturalistic traits stand out even more clearly. Their talented acting deserves gratitude; their wasted efforts pity.

(Pravda, 28 January 1936)